

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2023. № 3 (99).
Political Linguistics. 2023. No 3 (99).

УДК 811.221.18'373.611:811.221.18'374
ББК Ш152.132.3-20+Ш152.132.3-4

ГСНТИ 16.21.45

Код ВАК 5.9.8

Варвиллина Павловна Джиоева

Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова, Цхинвал, Республика Южная Осетия,
jio.varvilina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6341-744X>

Словообразовательный потенциал терминологических единиц в современной осетиноязычной политической коммуникации

АННОТАЦИЯ. *Общественно-политическая лексика является частью единой лексико-семантической системы языка и состоит из обозначения социально значимых явлений, событий и фактов политической жизни страны, в ее состав входят не только специальные термины, но и обиходные слова, которые приобретают специальное значение в политической коммуникации. В данной статье рассматриваются различные модели словообразования в сфере осетиноязычной общественно-политической коммуникации. Цель исследования — рассмотреть словообразовательный потенциал терминов в составе лексики общественно-политической сферы и способы их перевода на английский язык.*

В осетинском языке общественно-политическая лексика, как и терминология, характеризуется преобладанием заимствованных единиц. Наиболее рекуррентная модель терминологических сочетаний в осетинском языке — существительное + существительное. Доминантными способами словообразования в общественно-политической сфере выступают аффиксация и словосложение. Механизмы пополнения корпуса общественно-политической терминологии за счет заимствований и их ассимиляции являются специфичными для осетинской общественно-политической коммуникации. Образование и бытование в осетинской лексической системе терминологических единиц происходит под влиянием таких факторов, как исторические предпосылки возникновения понятий, этнокультурные нормы языка, профессиональная направленность деятельности и социальный статус носителей лингвокультуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *осетинский язык, лексикология осетинского языка, общественно-политическая коммуникация, общественно-политическая лексика, лексическая семантика, лексико-семантическая система, специальные термины, терминология, словообразование, словообразовательный потенциал, словообразующие морфемы, терминологические единицы.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Джиоева Варвиллина Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова; 100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, ул. Путина, 8; email: jio.varvilina@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Джиоева, В. П. Словообразовательный потенциал терминологических единиц в современной осетиноязычной политической коммуникации / В. П. Джиоева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 3 (99). — С. 178-184.*

Varvilina P. Dzhioeva

South Ossetian State University, Tskhinval, Republic of South Ossetia, jio.varvilina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6341-744X>

Word-Formation Potential of Terminological Units in Modern Ossetian Language Political Communication

ABSTRACT. *Socio-political vocabulary is part and parcel of the common lexico-semantic system of the language and consists of the names of socially significant phenomena, events and facts of the political life of the country. The socio-political vocabulary comprises not only special terms, but also units of common vocabulary that acquire specific meanings in political communication. The present paper deals with various word-formation models in the Ossetian language socio-political communication. The aim of the study is to analyze the word-formation potential of terms in the socio-political vocabulary and the ways of their translation into English.*

The Ossetian socio-political vocabulary in general, as well as political terminology in particular, is marked by the prevalence of borrowed units. The most recurrent model of terminological word combinations in the Ossetian is NOUN+NOUN. Affixation and compounding are dominant ways of word-formation in the socio-political sphere. The mechanisms of replenishment of the corpus of socio-political terminology as a result of borrowing and their assimilation are specific features of the Ossetian socio-political communication. The formation and functioning of terminological units in the lexical system of the Ossetian language take place under the influence of such factors as historical prerequisites of the emergence of concepts, ethnocultural norms of the language, professional orientation of activity, and the social status of native speakers.

KEYWORDS: *Ossetian language, Ossetian lexicology, socio-political communication, socio-political vocabulary, lexical semantics, lexico-semantic system, special terms, terminology, word-formation, word-formation potential, word-formation morphemes, terminological units.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Dzhioeva Varvilina Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English, South Ossetian State University, Tskhinval, Republic of South Ossetia.*

FOR CITATION: *Dzhioeva V. P. (2023). Word-Formation Potential of Terminological Units in Modern Ossetian Language Political Communication. In Political Linguistics. No 3 (99), pp. 178-184. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В Республике Южная Осетия русский язык является языком государственных учреждений, общения в рамках институционального дискурса, обучения в учебных заведениях всех уровней системы народного образования.

Цель исследования — рассмотреть словообразовательный потенциал терминов в составе лексики общественно-политической сферы в Республике Южная Осетия и пути и способы передачи этого пласта осетинского языка на английский язык.

Проблеме пополнения словарного состава языков ученые-лингвисты всегда уделяли особое внимание. Начиная с 1960-х гг. начали изучаться вопросы новой лексики в различных аспектах: словообразовательном, социолингвистическом, стилистическом и др. (О. А. Александрова, Г. Е. Гончаренко, Е. А. Земская, Л. И. Крысин).

Объектом исследования является общественно-политическая лексика, выступающая инструментом общественно-политической коммуникации в Республике Южная Осетия.

Предмет исследования — особенности словообразования терминов в сфере осетиноязычной общественно-политической коммуникации на современном этапе и способы их передачи на английский язык.

Актуальность исследования продиктована необходимостью анализа особенностей образования и функционирования терминов общественно-политической сферы осетинского языка в силу недостаточной разработанности общественно-политического лексикона. Словообразование занимается исследованием структуры слова в качестве номинативной единицы языка. Словообразование и морфология опираются на тот факт, что каждая часть речи обладает своим определенным арсеналом словообразовательных средств [Мусатов 2010: 183].

Не всегда все особенности лексического состава языка целенаправленно осмысляются и фиксируются. Этот процесс происходит далеко не во всех языках идентичным образом. Потребность в упорядочивании фонда языка возникает в младописьменных языках ввиду того, что языковые резервы этих языков ограничены и для осуществления коммуникации в разных типах дискурса требуется задействование лексики из других языков. Узкоспециальная терминология, как

правило, формируется во всех языках, в том числе и старописьменных, с активным включением интернационализмов, устоявшихся терминологических единиц, используемых в той или иной сфере на протяжении определенного количества времени. Происхождение термина/терминов обычно зависит от географии возникновения, зарождения той сферы деятельности человека, индикатором и языковым инструментом которой является термин. Несомненно, факты заимствования и ассимиляции такой специальной терминологии наряду с общепринятой заимствованной лексикой, перенятой носителями младописьменных языков для каждодневного общения, менее закономерны для старописьменных языков. В старописьменных языках с более или менее многочисленными документальными источниками и богатой литературной традицией лексический потенциал позволяет строить терминологические системы, оперируя исконной, незаимствованной лексикой. Эти явления приводят к изменениям в лексическом составе языка, обогащая его.

Общественно-политический словарь подвергается трансформациям под влиянием реалий каждой исторической эпохи, накапливая результаты научного и общественно-экономического прогресса. В эпоху значительных общественных и политико-экономических преобразований лексический состав языка, как правило, переживает серьезные изменения как структурного, так и семантического характера. Базовые политические понятия передаются посредством не всегда устойчивой лексики [Токарева 2011: 134]. По мнению некоторых исследователей, в состав общественно-политической лексики (далее ОПЛ) входят слова и сочетания слов не только из сферы политики, но и из разных сфер человеческой деятельности и жизнедеятельности общества, таких как экономика, культура, дипломатия, представляющих политику государства в отдельной сфере. В отечественной лингвистике термин «общественно-политическая лексика» применим к группе лексических единиц, обозначающих идеи представителей различных сфер человеческой деятельности и события политической и общественной жизни, а также к терминологии средств массовой информации (СМИ) [Мурадова 1986: 61].

Изучение лексики общественно-политической сферы в российском языкознании началось с работы, посвященной особенно-

стям лексики в эпоху революции начала XX века, выполненной А. М. Селищевым [Селищев]. Рассмотрев большой эмпирический материал, собранный на базе текстовых фрагментов из средств массовой информации, автор исследования выделил такие тенденции в развитии политического языка, как преобразование исконного коммуникативного потенциала языковых средств в рамках политической коммуникации и наделение их дополнительными смысловыми характеристиками в силу изменения политической ситуации [Селищев 1928: 92].

Осетинский язык, являясь языком младописьменным, как и другие младописьменные языки, имеет большое количество интернационализмов в своем составе. Интернациональная лексика перенята осетинским языком в значительной степени из русского языка, в свою очередь перенявшего часть лексики и терминологии из других языков [Исаев 1979]. Эмпирический осетиноязычный языковой материал представляет языковые особенности югоосетинского общественно-политического дискурса в начале нового тысячелетия. Этот период является знаменательным для народа Республики Южная Осетия в силу того, что государство переживает сложный период становления в качестве субъекта международной политики, вследствие чего трансформируются содержательные и прагматические характеристики политической коммуникации в республике. Поскольку политический дискурс в РЮО конструируется в опоре на политический дискурс Российской Федерации и по его модели, язык политики вбирает значительное количество специальной лексики из русского языка и из европейских языков (в частности, английского) через русский.

Общественно-политический словарь пополняется как общественно-политической терминологией путем заимствования из других языков и генерации специальных обозначений для общественно и политически значимых событий, явлений, объектов, так и общественно-политической лексикой, которая возникает в процессе конструирования политического дискурса, когда адресант имеет целью показать политическое намерение более образно или стремится преуменьшить значимость события или явления, таким образом подбирая эмоционально окрашенную или стилистически нейтральную лексику, которая приобретает в данном политическом контексте общественно-политическую значимость [Муравлева 1980: 72–79].

Российская Федерация, являясь основным политико-экономическим партнером Республики Южная Осетия, оказывает влия-

ние на развитие и улучшение общественной жизни в республике, культуры и т. д. Россия выступает гарантом стабильности и мира в Южной Осетии. Неразрывные связи между двумя государствами, в том числе и в сфере образования и науки, играют немаловажную роль в формировании общественно-политического тезауруса в Республике Южная Осетия. Недостаточная разработанность корпуса общественно-политической лексики и терминологического фонда способствует внедрению в осетинский язык русскоязычных заимствований, приводя к систематической интерференции и переключению кодов русского и осетинского языков.

Что же касается заимствованной лексики, ее появление и существование в осетинском языке связано с фактами истории народа Осетии. По мнению В. И. Абаева, поскольку язык является явлением социальным, между историческим развитием общества (народа) и его языком существует неразрывная спаянность. Это единство истории и языка можно легко понять по характеру лексического и семантического своеобразия языка. Что же касается морфологии, фонетики и синтаксиса, то здесь это единство не так просто обнаружить. Можно попробовать объяснить это единство тем, что развитие человеческого общества благоприятствует также расширению лексического состава языка.

Ряд общественно-политической заимствованной терминологии не изменяет фонетические особенности в языке-реципиенте. Заимствования, как правило, становятся частью системы языка и приобретают те же лексические характеристики, что и в языке-доноре [Кульчиева 2005: 134].

По мнению В. И. Абаева, *заимствованная лексика* — это слова, не входящие в систему того или иного языка до какого-то определенного исторического этапа в жизни народа, и исторический период заимствования которых возможно определить [Абаев 1949: 293]. Благодаря заимствованной лексике обогащается не только языкознание, но и другие социальные науки [Абаев 1949: 291].

Среди интернационализмов, применяемых в системе общественно-политической лексики современного осетинского языка, выделяются следующие группы:

а) собственно политическая лексика: *кълас* 'class', *парти* 'party', *коммунизм* 'communism', *пролетариат* 'proletariat', *социализм* 'socialism', *империализм* 'imperialism', *демократи* 'democracy', *конституци* 'constitution', *съезд* 'congress' и т. д.;

б) философские термины: *идеализм* 'idealism', *матери* 'matter', *материализм* 'materialism', *диалектика* 'dialectics' и т. д.;

в) юридические термины: *закон* 'law', *юстици* 'justice', *меморандум* 'memorandum', *кодекс* 'code' и т. д.;

г) термины политической экономики: *капитал* 'capital', *экономикæ* 'economy', *кризис* 'crisis' и другие.

В осетинской общественно-политической лексике, заимствованной через русский язык, наблюдаются такие префиксы, как *контр-* и *анти-*, суффиксы *-ист*, *-изм*. Исследователь Т. А. Гуриев рассматривает эти словообразовательные морфемы в качестве усвоенных осетинским языком и ставших продуктивными [Гуриев 1962]. Против такого подхода выступает М. И. Исаев, заявляя, что делать выводы на основе не до конца изученных тенденций адаптации заимствованных морфем является неправильным с научной точки зрения и может приводить к ошибочным умозаключениям [Исаев 1979: 48].

В общественно-политической лексике осетинского языка преобладают заимствования из английского языка через русский язык. Осетинский язык чаще воспринимает англицизмы с той семантикой, которую они приобретают в русском языке ввиду тесных языковых и культурных контактов с русским народом, влияющих на характер вторичной языковой личности каждого осетина и представителей осетинского этноса в целом. Вследствие влияния русского языка и языкового сознания некоторые англицизмы приобретают новые коннотации и могут применяться для решения более широкого спектра языковых задач, чем в языке-доноре.

Согласно анализу функционирования заимствованной англоязычной лексики, ее адаптация в новом языковом сообществе в значительной степени зависит от языковой активности носителей языка и от частоты использования заимствований в СМИ. Заимствованная лексика, в частности, подвергается трансформациям под влиянием социально и культурно значимых факторов, не говоря уже об изменениях в глобальной политико-экономической картине мира. Все эти факторы влияют на языковые предпочтения граждан той или иной страны и влекут за собой расширение как словарного состава языка, так и семантического спектра существующей в языке лексики.

Тем не менее появление новой лексики и/или семантической деривации общеупотребимого пласта не зависят от каких-либо изменений в обществе в определенный период истории народа. Развитие языка происходит постепенно и связано с историческими, значимыми для этноса и носителей этнокультуры обстоятельствами [Абаев 1952: 40].

Ввиду того, что данная работа является одним из немногих исследований, предпринятых специалистами в области осетиноведения с целью изучения особенностей образования общественно-политической лексики и терминологии осетинского языка, представляется целесообразным рассмотреть некоторые базовые модели терминологических словосочетаний и способов их оформления с учетом заимствованных из русского языка (или из интернациональных терминосистем через русский язык) единиц общественно-политической лексики и специфики их ассимиляции в языке-реципиенте — осетинском — и особенности их перевода на английский язык. Обратим внимание на слово- и формообразующие аффиксы. Согласно мнению большинства ученых, флексия выполняет функцию только формообразующего аффикса [Цопанова 2003: 21]. Флексия играет роль словообразующего средства крайне редко [Кульчиева 2005]. Роль словообразовательных флексий в осетинском языке играют окончания косвенных падежей (*-æй*, *-æн*, *-мæ*, *-ы*, *-ыл*).

Суффиксы прилагательного *-он* и суффикс отвлеченных существительных *-дзинад* служат инструментом формирования лексики и терминологии общественно-политической сферы на осетинском языке на основе как исконно осетинской общеупотребительной и узкоспециальной лексики, так и заимствованной, в том числе интернациональных терминов:

– *политик-он æмæ куыстуадон сытынг-дзинады уавæрты* 'in the condition of re-enforce-ment of politic-al and occupation-al development' (единица ОПЛ *политик-он* образована прибавлением адъективного суффикса *-он* к ассимилированной основе и соответствует английскому суффиксу *-al*; *сытынг-дзинад* — трехкомпонентное слово: префикс, передающий форму совершенного вида глагола *сы-* (передается на английский посредством префикса *re-*) + *тынг* 'сильный, сильно' (переводится с помощью глагола *enforce*) + суффикс отвлеченных существительных *-дзинад*, передаваемый посредством суффикса *-ment*);

– *политик-он актив-он-дзинад* 'politic-al active-ness' (прибавление адъективного суффикса *-он* к ассимилированной форме *политик* 'politician'; тот же формант *-он* образует прилагательное от основы *актив* 'active' + прибавление суффикса отвлеченных существительных *-дзинад (-ness)* к уже сформировавшейся ассимилированной форме *активон* 'active');

– *социалист-он ерыс* 'the socialist race' (прибавление адъективного суффикса *-он* к ассимилированной основе *социалист*).

Суффикс **-ад**, используемый для образования абстрактных существительных, также играет значимую роль в построении общественно-политического лексикона и соответствует такому английскому непродуктивному суффиксу, как **-ment**, заимствованному из французского языка:

– **парти-он рухс-ад** ‘party education/enlighten-ment’ (прибавление адъективного суффикса **-он** к ассимилированной основе **парти** ‘party’; сущ. **рухс** ‘light’ + суффикс абстрактных сущ. **-ад** ‘-ment’);

– **агитаци-он-масс-он куыст** ‘mass agitational work’ (ассимилированная основа **агитаци** ‘agitation’ + адъективный суффикс **-он**; усеченная основа **масс** + адъективный суффикс **-он**);

– **материал-он-техник-он ба-зæ** ‘material and technical base’ (усечение суффиксов **-ль**, **-н** + адъективный суффикс **-он**, усечение основы в исходном существительном **техник-а** + адъективный суффикс **-он**; осетинский формант **-æ**);

– **куысты ахадын-дзинад рæзын кæнын** ‘labour productivity growth’ (**ахадын** ‘be productive, efficient’ + суффикс абстрактных существительных **-дзинад** (переводится посредством суффикса **-ты**); существительное **рост** ‘growth’ передано составным глаголом **рæзын кæнын** ‘make (something) grow’).

Множественное число существительных образуется посредством формантов **-тæ** (им. п.), **-ты** (род. п.):

– **серьёз-он цух-дзинæд-тæ** ‘serious shortage’ (прибавление адъективного суффикса **-он** к ассимилированной основе **серьёз** ‘serious’; прилагательное **цах** ‘short (of something)’ + суффикс отвлеченных существительных **-дзинад** (переводится при помощи суффикса **-æдæ**) в форме мн. числа: **а-æ** + формант мн. числа **-тæ**);

– **егъау специализацигонд куыстуæттæ ифтонг кæнын** ‘construction of large specialized enterprises’ (к основе существительного **специализация** ‘specialization’ после усечения окончания прибавляется адъективный суффикс **-гонд** (переводится при помощи причастия II глагола **to specialize**));

– **конд-ады гуырахст фæкъаддæр кæнын** ‘to reduce production capacity’ (**конд-ад** ‘capacity-ty’ — **конд** от **кæнын** ‘to do, to produce’ + суффикс абстрактных существительных **-ад** (переводится посредством суффикса существительных **-ты**));

– **беседа-тæ аразын** ‘conduct conversation’ (ассимилированная основа **беседа** + формант мн. ч. **-тæ**; глагол **аразын** ‘делать’);

– **агитатор-тæ** ‘agitators’ (ассимилированное существительное **агитатор** + формант мн. ч. **-тæ**);

– **пропагандист-тæ** ‘propagandists’ (ассимилированное существительное **пропагандист** + формант мн. ч. **-тæ**);

– **хæслæвæрд-тæ с-æххæст кæнын** ‘perform / fulfil duties’ (сущ. **хæслæвæрд** ‘duty, errand’ + формант мн. числа **-тæ**; префикс, передающий форму совершенного вида глагола **с-** + прилагательное **æххæст** ‘full’ + вспомогательный глагол **кæнын** ‘to do’);

– **цæст-уын-он æрмæ-джы-тæ** ‘illustrative materials/visual aids’ (сущ. **цæст** ‘eye’ + усеченная основа глагола **уынын** ‘to see’ + адъективный суффикс **-он**; мн. число сущ. **æрмæ-г** ‘material’ **-г** меняется на **-джытæ**);

– **конд-ад-он фæрæз-тæ** ‘means of production’ (**конд** от **кæнын** ‘to do, to produce’ + суффикс абстрактных существительных **-ад** + адъективный суффикс **-он**; существительное **фæрæз** ‘means’ + формант мн. числа **-тæ**).

Суффикс **-гæнæг** (от **кæнын**), ‘actor, doer’, **-гæнджытæ-** (мн. ч.) используется при производстве составных существительных в рамках общественно-политической коммуникации:

– **фæллой-гæнджы-ты фæрныг-ад** ‘workers/labourers’ welfare’ (существительное-основа **фæллой** ‘labour, product of labour’ + суффикс со значением деятеля **-гæнæг** ‘actor, doer’ во мн. числе + формант род. падежа **-ы**; прилагательное **фæрныг** ‘rich, happy’ + суффикс абстрактных существительных **-ад**).

Именам прилагательным — терминам в составе общественно-политической терминологии соответствуют термины-существительные с формантами родительного падежа **-ы/-йы**:

– **æвзæрстыт-ы кампани** ‘election campaign’ (‘elections’ + формант род. падежа **-ы**; ассимилированная форма заимствованного слова **компани-я** ‘campaign’ с чередованием корневой гласной и усечением окончания);

– **æвзæрстытæм цæттæ кæнын** ‘to get ready for elections’ (букв. **æвзарын** ‘to elect’ + ‘ready’ + вспомогательный глагол **кæнын** ‘to do, to perform, to produce’).

ВЫВОДЫ

В ходе проведения исследования были сделаны следующие обобщающие выводы.

1. Общественно-политическая лексика в осетинском языке, как и терминология, характеризуется преобладанием заимствованных единиц, в том числе терминов-интернационализмов.

2. Коммуникация в осетиноязычной общественно-политической сфере характеризуется переключением кодов осетинского и русского языков.

3. Лексика, заимствованная из русского языка, функционирует в осетинском языке в виде корней, формообразующие форманты русского языка в заимствованной лексике не являются продуктивными.

4. В осетиноязычной выборке преобладают словосочетания, образованные по структурной модели «существительное + существительное» в противовес наиболее рекуррентной модели сочетаний ОПЛ — «прилагательное + существительное» — в английском и русском языках.

5. Образование и существование в осетинской лексической системе терминологических единиц происходит под влиянием таких факторов, как исторические предпосылки возникновения понятий, этнокультурные нормы языка, профессиональная направленность деятельности и социальный статус носителей лингвокультуры.

6. Наиболее продуктивными в образовании терминов общественно-политической сферы в осетинском языке являются следующие суффиксы: **-ag** (обозначающий происхождение лиц или объектов); **-ad** (обозначающий государственные и социальные институты; административный или социальный статус); **-d** (образующий номинативные единицы от глаголов); **-æg** (служащий образованию от глаголов номинативных единиц, обозначающих деятеля, агента или адресата политики); **-дзинад** (со значением абстрактных существительных-терминов общественно-политической сферы, обозначающих политические и социально значимые события и явления); **-он** (образует существительные и прилагательные от глаголов и именных основ (в том числе и на основе заимствованных интернациональных терминов)); **-гонд** (со значением завершенности или результата действия); заимствованные словообразовательные суффиксы **-изм** (со значением следования учению, теории, политическому движению); **-ист** (со значением принадлежности человека к политическому течению, профессии или национальности); словообразующий аффикс **-ци** от русского **-ция** (со значением процесса, происходящего в обществе в определенный период истории); суффикс существительного, детерминирующий деятеля, **-гæнæг** (образующий термины, соответствующие наименованиям рода деятельности) — от **кæнын** 'делать'.

7. Суффиксам терминов в осетиноязычной терминологической выборке соответствуют следующие словообразовательные форманты в английском языке: суффиксу отвлеченных существительных **-дзинад** соответствуют суффиксы **-age**, **-ty**, **-ness**, **-ment**; суффикс **-ad** переводится при помощи номина-

тивных суффиксов **-tion**, **-ment**; адъективно-му суффиксу **-on** соответствуют английские суффиксы **-ive**, **-al**.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абаев, В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1 / В. И. Абаев. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. — 601 с. — Текст : непосредственный.
2. Абаев, В. И. История языка и история народа / В. И. Абаев. — Текст : непосредственный // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. — Москва : Изд-во АН СССР, 1952. — С. 40–45.
3. Абаев, В. И. Грамматический очерк осетинского языка / В. И. Абаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. — 168 с. — Текст : непосредственный.
4. Габараев, Н. Я. Об основных типах сложных слов в современном осетинском языке / Н. Я. Габараев. — Текст : непосредственный // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР, 1963. — Вып. XII. — С. 107–142.
5. Габараев, Н. Я. Суффиксы **-ад** и **-дзинад** в системе современного осетинского словообразования // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. — Тбилиси : Мецниереба, 1974. — Т. 19. — С. 85–109.
6. Гуриев, Т. А. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики / Т. А. Гуриев. — Орджоникидзе : [б. и.], 1962. — 116 с. — Текст : непосредственный.
7. Исаев, М. И. Языковое строительство в СССР. (Процессы создания письменностей народов СССР) / М. И. Исаев. — Москва : Наука, 1979. — 349 с. — Текст : непосредственный.
8. Коготкова, Т. С. Из истории формирования общественно-политической терминологии / Т. С. Коготкова. — Текст : непосредственный // Исследования по русской терминологии. — Москва : [б. и.], 1971. — С. 114–162.
9. Крючкова, Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии / Т. Б. Крючкова. — Москва : Наука, 1989. — 150 с. — Текст : непосредственный.
10. Кульчиева, М. Б. Вклад русского языка в становление и развитие общественно-политической терминологии осетинского языка : 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи)» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кульчиева Мадина Борисовна ; СОГУ им. К. Л. Хетагурова. — Владикавказ, 2005. — 156 с. — Текст : непосредственный.
11. Муравлева, Н. В. Инновации в лексико-семантической системе политической лексики ФРГ / Н. В. Муравлева. — Текст : непосредственный // Структурно-семантические исследования в немецкой лексике : межвуз. сб. — Калинин, 1980. — С. 72–79.
12. Мурадова, Л. А. Семантико-функциональная характеристика общественно-политической лексики современного французского языка / Л. А. Мурадова. — Москва : Просвещение, 1986. — 145 с. — Текст : непосредственный.
13. Мусатов, В. Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование : учеб. пособие / В. Н. Мусатов. — Москва : Флинта : Наука, 2010. — 360 с. — Текст : непосредственный.
14. Селищев, А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) / А. М. Селищев. — Москва : Работник просвещения, 1928. — 248 с. — Текст : непосредственный.
15. Токарева, И. В. Аспекты терминологизации немецких лексических заимствований (сущность дефиниции терминопонятия «общественно-политическая лексика») / И. В. Токарева. — Текст : непосредственный // Актуальные вопросы филологических наук : материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). — Чита : Молодой ученый, 2011. — С. 134–137.
16. Цопанова, Р. Г. Экспрессивные лексико-фразеологические средства осетинского языка / под ред. проф. Ю. Д. Каражаева / Р. Г. Цопанова. — Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2003. — 107 с. — Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1949). *Osetinskij yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore] (Vol. 1). Moscow, Leningrad: Publ. house, AS USSR, 601 p. (In Russ.)

2. Abaev, V. I. (1952). Istorija yazyka i istoriya naroda [History of language and history of people]. In *Voprosy teorii i istorii yazyka v svete trudov I.V. Stalina po yazykoznaniiu* (pp. 40–45). Moscow: Publ. house. of AS USSR. (In Russ.)
3. Abaev, V. I. (1959). *Grammaticheskij ocherk osetinskogo yazyka* [Grammar of the ossetian language]. Ordzhonikidze: North Ossetian Publishing House, 168 p. (In Russ.)
4. Gabaraev, N. Ya. (1963). Ob osnovnyh tipah slozhnyh slov v sovremennom osetinskom yazyke [Basic types of compound words in modern Ossetian language]. *Izvestiya Yugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta AN GSSR*, XII, 107–142. (In Russ.)
5. Gabaraev, N. Ya. (1974). Suffiksy -ad i -dzinad v sisteme sovremenno osetinskogo slovoobrazovaniya [Suffixes -ad and -dzinad in the system of modern ossetian word building]. *Izvestiya Yugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*, 19, 85–109. Tbilisi: Mecniereba. (In Russ.)
6. Guriev, T. A. (1962). *Vliyanie russkogo yazyka na razvitie osetinskoj leksiki* [The impact of Russian language on development of Ossetian vocabulary]. Ordzhonikidze, 116 p. (In Russ.)
7. Isaev, M. I. (1979). *Yazykovoe stroitel'stvo v SSSR. (Processy sozdaniya pis'mennostej narodov SSSR)* [Language building in the USSR. (Process of formation of written languages of the peoples of the USSR)]. Moscow: Nauka, 349 p. (In Russ.)
8. Kogotkova, T. S. (1971). Iz istorii formirovaniya obshchestvenno-politicheskoy terminologii [From the history of the formation of socio-political terminology]. In *Issledovaniya po russkoj terminologii* (pp. 114–162). Moscow. (In Russ.)
9. Kryuchkova, T. B. (1989). *Osobennosti formirovaniya i razvitiya obshchestvenno-politicheskoy leksiki i terminologii* [Features of the formation and development of socio-political vocabulary and terminology]. Moscow: Nauka, 150 p. (In Russ.)
10. Kul'chieva, M.B. (2005). *Vklad russkogo yazyka v stanovlenie i razvitie obshchestvenno-politicheskoy terminologii osetinskogo yazyka* [Contribution of Russian language to the formation and development of Ossetian socio-political terminology] [Dissert. of Cand. of Philology]. Vladikavkaz, 156 p. (In Russ.)
11. Muravleva, N. V. (1980). Innovations in the lexical-semantic system of political vocabulary of FRG [Innovacii v leksiko-semanticheskoy sisteme politicheskoy leksiki FRG]. In *Strukturno-semanticheskie issledovaniya v nemeckoj leksike* (Intercollegiate collection, pp. 72–79). Kalinin, 1980. (In Russ.)
12. Muradova, L. A. (1986). *Semantiko-funkcional'naya harakteristika obshchestvenno-politicheskoy leksiki sovremennogo francuzskogo yazyka* [Semantic-functional characteristics of socio-political vocabulary of modern French]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
13. Musatov, V. N. (2010). *Russkij yazyk: morfemika, morfoloziya, slovoobrazovanie* [Russian language: morphemics, morphology, word formation] [Tutorial]. Moscow: Flinta: Nauka, 360 p. (In Russ.)
14. Selishchev, A. M. (1928). *Yazyk revolyucionnoj epohi. Iz nablyudenij nad russkim yazykom poslednih let (1917-1926)* [The language of revolutionary epoch. Observation of Russian language of recent years (1917-1926)]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya, 248 p. (In Russ.)
15. Tokareva, I. V. (2011). Aspekty terminologizacii nemeckih leksicheskikh zaimstvovanij (sushchnost' definicii terminoponyatiya «obshchestvenno-politicheskaya leksika») [Aspects of terminology formation of German lexical borrowings (the essence of definition of the term 'socio-political vocabulary')]. In *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk* (International conference proceedings (Chita, November, 2011), pp. 134–137). Chita: Molodoy uchenyj. (In Russ.)
16. Copanova, R. G. (2003). *Ekspressivnye leksiko-frazeologicheskie sredstva osetinskogo yazyka* [Expressive lexical-phraseological means of Ossetian language] (Ed. Prof. Yu. D. Karazhaev). Vladikavkaz: NOSU Publish. house, 107 p. (In Russ.)